

Историзация философско-методологического сознания науки и нарратология*

Б. И. Пружинин¹, И. О. Щедрина²

¹ Журнал «Вопросы философии», ФГБН Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

² Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация, 119049, Москва, Марононский переулок, 26

Для цитирования: Пружинин Б. И., Щедрина И. О. Историзация философско-методологического сознания науки и нарратология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 83–91. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.107>

Тема историчности познания появляется и начинает привлекать к себе все больше внимания в философско-методологических концепциях примерно с XVII столетия. Историзация методологического сознания ученого (как в области естествознания, так и в области гуманитарных исследований) становится сегодня важнейшим фактором конкретной научной работы. Вместе с тем осознание ученым исторического измерения познания и, соответственно, историзация методологической рефлексии содержат в себе возможность философских выводов, способных деформировать науку. В частности, ссылки на историю зачастую служат основанием для радикального методологического релятивизма. Авторы полагают, что возникающая в данном контексте эпистемологическая проблематика обращает к теме историчности самосознания исследователя, к феномену осознания им себя самого как исторического человека и выдвигает в центр внимания когнитивные аспекты такого осознания. При этом в поле философско-методологического исследования попадают размышления ученого, выраженные в некотором повествовании (нарративе) об истории формирования его самосознания и мотивации. В статье демонстрируется эпистемологическая перспективность анализа такого рода размышлений (автобиографического нарратива ученого). Авторы, апеллируя к текстам историков-исследователей, стремятся показать, как через призму нарратива можно выявить особенности историзма в рефлексии и самосознании ученых и, в частности, аналитически оценить когнитивные риски, порождаемые той или иной направленностью их самосознания. В первую очередь это оценка когнитивных характеристик самообмана. Кроме того, в статье обосновывается мысль о том, что трактовка философско-методологической саморефлексии как нарратива открывает возможность для эффективного применения культурно-исторической эпистемологии.

Ключевые слова: историзм, нарратив, историк, рефлексия, самосознание, культурно-историческая эпистемология.

10.21638/spbu17.2019.107

Сто лет назад Макс Вебер констатировал: познание бесконечно, любой его результат будет превзойден, т.е. релятивизирован, а стало быть, бессмысленно надеяться на то, что познание несет в себе нечто вечное, наполняющее экзистен-

* The research has been performed within the grant of Russian Foundation for Basic Research No. 18-011-01252 «A Historical memory and historical understanding: epistemological risks of appeal to narrative» (дать перевод на русский).

циальным смыслом призвание ученого. Впрочем, Вебер отмечал также, что утеря этой надежды не мешает процветать науке как профессии, обеспечивающей технический прогресс и рационализирующей жизнь [1, с. 712]. И действительно, успехи науки на этом практическом поприще нельзя не признать. Однако при этом мы сегодня можем уже просто констатировать: процесс «прикладнизации» науки ведет к тому, что она теряет статус важнейшего элемента европейской культуры. Что, очевидно, не может не приводить к изменениям в самом характере научно-познавательной деятельности: наука на наших глазах превращается в социальную институцию, знание — в товар, и все эти изменения размывают стандарты познавательных практик.

Тема историчности познания появляется и начинает привлекать к себе все больше внимания в философско-методологических концепциях примерно с XVII столетия. Сначала она звучала как один из сюжетов историософии, позднее, конкретизируясь на фоне обсуждения методов науки, — как особая тема философско-методологической рефлексии над научным познанием. Еще позднее, уже к середине XX в., историчность науки и философско-методологические трактовки этой характеристики научного познания стали ведущей темой методологической рефлексии над наукой. Но, заметим, как правило, речь в методологии науки шла о вариантах представления историчности познания, прежде всего в контексте осмысления науки в ее динамике. Именно в таком виде принцип историзма стал вполне традиционной, почти учебной методологической темой. Но если мы примем во внимание сегодняшнюю ситуацию в области философско-методологической рефлексии над наукой и даже шире, ситуацию в области философского самосознания нашего времени, то становится ясным, что в самой сути исторической трактовки научного познания заключена проблема. Радикальная историзация научного познания чревата методологическим релятивизмом, реализация которого в научных практиках имеет достаточно серьезные последствия для науки.

Мы, однако, не считаем, что указанные процессы исчерпывают суть происходящего с наукой. У современных познавательных практик может быть и иная направленность, сохраняющая культурный смысл познания. Как писал В. И. Вернадский, «научное изучение прошлого, в том числе и научной мысли, всегда приводит к введению в человеческое сознание нового. Но в моменты перелома научного сознания человечества так, и только так, открываемое новое может являться духовной ценностью в жизни человека» [2, с. 555]. Именно такая направленность познания обращает нас к теме историчности самосознания самого исследователя, к феномену осознания им себя самого как исторического человека и к эпистемологическим последствиям такого осознания. Дело в том, что, на наш взгляд, суть происходящего ныне изменения в познавательной деятельности в том и состоит, что условием существования науки как культурного феномена становится возвращение ученого в историю своего познания, приобщение к ней. Историзм в данном случае означает, что в ходе обретения знания ученый, принадлежащий определенному времени и месту (культуре), осознает самоизменение. И перспектива разработки этой проблематики предстает тогда как задача прояснения характеристик такого самоизменения и его связи с изменением ценностных установок, ориентирующих познавательную деятельность. Возможность для эпистемологического анализа этих характеристик открывается благодаря тому, что ученый *повествует*

об этих изменениях (причем не только в научных трудах, но и в письмах, дневниках и других экзистенциальных документах). Размышляя о ремесле историка, Марк Блок писал: «...от историка требуют отчета. Он пойдет на это не без внутренне-го трепета: какой ремесленник, состарившийся за своим ремеслом, не спрашивал себя с замиранием сердца, разумно ли он употребил свою жизнь? Однако речь идет о чем-то куда более важном, чем мелкие сомнения цеховой морали. Эта проблема затрагивает всю нашу западную цивилизацию» [3, с. 6].

Такого рода рефлексия, обращенная к процессам самоизменения сознания и мотивации ученого, оказывается в центре внимания культурно-исторической эпистемологии. В известном смысле культурно-историческая эпистемология предполагает здесь возвращение к платоновскому пониманию знания как блага. При этом она отнюдь не претендует на статус новой эпистемологии. Она лишь сдвигает акценты во вполне традиционной гносеологической тематике, так что в центре внимания оказывается осознание познающим человеком своей включенности в историю научного познания и его повествование для других людей об экзистенциальной мотивации своих познавательных усилий. При этом понятно, что наиболее яркой формой выражения такого рода рефлексии оказывается автобиографический нарратив ученого. Мы апеллируем к автобиографическим работам ученых-историков, поскольку в исторической науке существует соответствующая традиция, но предлагаемый подход может быть экстраполирован на науку в целом (существует, например, огромный массив релевантных материалов в эпистолярном наследии представителей естественных наук). Но в любом случае важно, что ученый, осознающий себя в истории, не только описывает прошлое, но и рассказывает о самоизменении в ходе познания. Именно это повествование позволяет выразить происходящие в сознании ученого изменения не только как набор логически увязанных фактов, но и как исторический нарратив, исходящий от исследователя-нарратора. Повествование ученого о собственной исследовательской мотивации является автонаррацией, через которую мы фиксируем изменение познавательной рефлексивности и возникновение нарративной ответственности перед историей.

Хотя нарратология сложилась в 1960-е годы как дисциплина — наследница теории повествования (*Erzählforschung*, или *Erzähltheorie*), это новое исследовательское движение обнаруживало свою специфику прежде всего благодаря направленности на анализ коммуникативных аспектов повествовательного текста. При этом первоначальное, так называемое классическое понимание нарративности заключалось лишь в указании на особенности художественного повествования, позволяющие отличать текст посредника-повествователя (нарратора), который фактически целенаправленно конструирует изложение этого текста, от текста в его непосредственном (драматическом, так сказать) изложении. Таким образом, в нарратологическом рассмотрении повествовательного текста учитывается элемент рефлексии (самого ли автора текста или воспринимающего этот текст слушателя-читателя), что позволяет так или иначе зафиксировать коммуникативные параметры повествования — различного рода авторские стратегии, наличие метатекста и пр. Но главное здесь — явное присутствие нарратора, ориентированного на коммуникацию. Акцентирование рефлексивного элемента в феномене повествования фактически и превращает его в нарратив.

Описываемая в историческом повествовании действительность выражается опосредованно: нарратор ориентируется на воспринимающего данный текст Другого. Этот Другой, повторим, может более или менее явно «присутствовать» и в самом повествователе, но в любом случае нарратив предполагает, что текст конструируется именно для Другого, воспринимающего и понимающего этот текст. И соответственно, задачей нарратологического исследования становится выявление отношения «я — Другой». В ходе ориентированных таким образом исследований предпринимались попытки (в структуралистском духе) выявить некоторые универсальные векторы повествования, общие формальные структуры и схемы (грамматики) (см.: [4, р. 48–49]). Современные исследователи не случайно называют нарратологию дочерью французского структурализма и внучкой русского¹ и чешского формализма [6, р. 4]. Однако нынешнее ее состояние характеризуется иным расположением исследовательских приоритетов — внимание переносится со структурных особенностей повествования на рефлексивно-смысловые.

Внимание к рефлектирующему на коммуникацию ученому-нарратору открыло перспективу исследований историко-культурных контекстов нарратива и, соответственно, предоставило новые возможности для реконструкции самого автора повествования, его способов понимания реальности и себя в этой реальности. В рамках структуралистского понимания нарративности ключевой была не ориентированность самого нарратора на коммуникацию, но особая формальная структура повествуемого (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте). Здесь «нарративное» противопоставлялось уже не «драматическому» (как в классике) непосредственному повествованию, а описательному, «дескриптивному». Иными словами, здесь в центре внимания оказывается повествование как структурированный особым образом факт, как структурированное особым образом выражение некоторой истории. Однако более перспективной в исследовательском плане оказалась все же акцентуация смысловой активности посредника. Поэтому в обобщающей работе «Нарратология» В. Шмидт утверждает: «Объектом нарратологии является построение *нарративных* произведений» [5, с. 11], т. е. активность автора повествования, ориентированная в коммуникации именно на выражение смысла. Ниже мы попытаемся уточнить специфику этой ориентации, апеллируя не столько к процессу передачи информации (к коммуникации как такой), сколько к процессам достижения смысловой общезначимости в ходе языковой коммуникации.

Многие современные исследователи сходятся в понимании нарратива как текста, не просто излагающего некоторую историю, но как повествования, развертывающегося в более широком смысловом поле общения. В этом поле сам феномен повествования и его характеристики — временность, событийность, фабульность и т. д., — приобретают конкретный культурно-исторический смысл, что и привлекает внимание исследователей. Таким образом, сегодня нарратология (в качестве термина впервые предложенная в «Грамматике Декамерона» Ц. Тодорова [7, р. 10]) постепенно выходит за рамки классического и структуралистского понимания. Теперь понятием «нарратив» можно обозначить прежде всего структурированное особым образом смысловое пространство, которое может быть изложено на лю-

¹ То, что в «Нарратологии» Шмидт называет «славянской ветвью» — исследования А. Н. Веселовского и В. Я. Проппа. См. об этом подробнее: [5, с. 9].

бом языке (литературном, музыкальном, кинематографическом, художественном), но во всех этих случаях изложение должно быть ориентировано на общение.

Если говорить о современном понимании «нарративности», то, например, известный филолог В. И. Тюпа называет ее попросту рассказыванием [8], что прямо отсылает исследователя не столько к тексту самому по себе, сколько к фигурам автора и слушателя. Что, естественно, выдвигает на передний план нарратологических исследований совокупность актуальных проблем, выходящих далеко за рамки нарратологии как филологической дисциплины, а в самой нарратологии акцентирует внимание на автобиографическом нарративе как материале реконструкции. Обращение к этому материалу открывает новые перспективы осмысления таких гуманитарных феноменов, как идентичность, самоидентификация, проблемы самосознания, «я», памяти и т. д.

Тема индивидуального «я», тема идентичности по-особому раскрывается в контексте вопроса об истинности знания, лежащего в основаниях автобиографического повествования, автобиографического нарратива. И столкнувшись с этими особенностями, исследователь-нарратор заключает сам с собой своего рода «автобиографический пакт» (термин Ф. Лежёна) [9, с. 16–17], нацеливающий его на правдивость изложения. Осознание автором собственной историчности лежит в основе автобиографического пакта как феномена. И, как мы уже говорили, особенно ярко это проявляется в исторической науке (например, у А. Я. Гуревича в книге «История историка», у авторов школы анналов, у Марка Блока и др.). Проблема, однако, в том, что человек, осуществляющий акт повествования, не обязательно рассказывает все так, как есть на самом деле. Ведь еще Аристотель писал в «Поэтике» о склонности рассказчика приукрашать то, о чем они повествуют: «А само по себе чудесное приятно; это видно из того, что все рассказчики, чтоб понравиться, приукрашают» [10, с. 675].

Важно также отметить, что благодаря исследованиям в таком ключе открывается возможность выявить эпистемологические риски, связанные с рефлексивной автонарративностью ученого: это риски самообмана. К проблеме самообмана обращались и философы-методологи [11–13], и литературоведы [14], и даже логики. Ведь самообман, с точки зрения логики, — это просто нарушение закона исключенного третьего, когда человек верит одновременно в истинность А и не-А. Таким образом, для логики феномен самообмана неразрешим, в отличие от психологии, где выделены и описаны защитные механизмы психики (отрицание и обособление). Р. Кратчфилд, Н. Ливсон и Д. Креч пишут о способности человеческого разума в некоторых случаях игнорировать очевидную противоречивость, называя этот феномен «логиконепроницаемой перегородкой» [15, с. 79]: фактически два направления мысли оказываются изолированы своеобразным защитным механизмом, не вступая, таким образом, в конфликт. Было, например, экспериментально продемонстрировано: когда человеку сложно даже на эмпирическом уровне идентифицировать других и себя самого (некоторые испытуемые не различали вовсе или идентифицировали неверно голоса других и себя), такой человек оказывается вовлеченным в самообманное поведение (см. об этом: [16]).

Известный отечественный психолог В. В. Знаков в работе «Психология понимания правды» констатирует недостаточную изученность феномена самообмана, называя его особым случаем аутокоммуникации [17, с. 255–257]. Он описывает его

как момент, когда во внутреннем диалоге обманывающий и обманываемый оказывается одним и тем же лицом. По его мнению, самые распространенные ситуации, приводящие к самообману, как правило, возникают, когда человек либо не верит в правдоподобие какого-либо нового знания, либо вовсе его отрицает. В отличие от В. В. Знакова, Д. И. Дубровский рассматривает феномен самообмана во всем многообразии его проявлений и воплощений, опираясь на философский и психологический материалы, а также на литературный нарратив. В самообмане он выделяет три типа субъектов: тот, кто обманывает (обманывающий), тот, кого обманывают (обманываемый), и тот, кто оказывается обманут (обманутый) [13, с. 30]. И специфика самообмана, по его мнению, заключается в совпадении всех трех лиц.

В настоящее время выделяются два основных направления осмысления самообмана: когнитивное и личностное. К *когнитивному* относятся исследования, «занимающиеся изучением особенностей обработки информации в процессе самообмана, т. е. его когнитивными аспектами» [18, с. 146]. В центре внимания личностного направления «оказывается связь самообмана с различными личностными особенностями, его влияние на жизнь человека, причем в ряде исследований самообман рассматривается как результат работы бессознательных механизмов» [18, с. 146]. И хотя оба направления пересекаются по многим исследовательским параметрам, для нас важнее второе.

Как правило, исследователи осмысливают эпистемологический статус самообмана, выявляют его роль в формировании социально-психологических особенностей и этических идеалов личности, а также в процессе принятия решений. Однако специфика функционирования самообмана в процессе самоидентификации еще недостаточно исследована. На наш взгляд, зафиксировать самообман в процессе самоидентификации можно только *постфактум* и прежде всего благодаря автобиографическому нарративу, который, образуя целостный выраженный текст, позволяет усомниться в искренности повествования перед аудиторией и перед самим собой. Говоря о когнитивных направлениях нарратологии, важно иметь в виду, что «главная ее заслуга — это анализ связи между нарративом и сознанием, сознанием как изображаемых персонажей, так и воспринимающего читателя» [19]. Так, В. Фишер вводит понятие «нарративной рациональности», включающей нарративную вероятность (согласованность истории) и нарративную верность (достаточные основания для доверия) [20, с. 347].

Таким образом, учитывая и традиционные аспекты, и современные нарративные тенденции, можно выделить когнитивное направление, стремящееся воспроизвести способы мышления нарратора, и историческое, позволяющее реконструировать принципы работы с нарративами в контексте эпохи. А обращающаяся к нарратологии культурно-историческая эпистемология получает возможность включить в поле нарративного исследования рефлексивное самосознание познающего мир человека и прояснить его эпистемологический смысл. Она позволяет ученому понять свой взгляд на предмет познания как взгляд человека, погруженного в историю культуры, в ее продолжающуюся преемственную связь. Иными словами, философско-методологическая рефлексия в данном случае позволяет ученому посмотреть на культуру не как на нечто внешнее по отношению к его познавательной деятельности, но осмыслить себя и свои познавательные усилия изнутри разворачивающейся в культуре истории научного познания.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В. И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М.: Современник, 1993. С. 538–555.
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
4. Fludernick M. Histories of Narrative Theory (I): From Structuralism to the Present // Phelan J, Rabinowitz P. (eds). A Companion to Narrative Theory. Oxford: Blackwell, 2005. P. 36–59.
5. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
6. Brockmeier J., Carbaugh D. (eds). Narrative and Identity. Studies in Autobiography, Self and Culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 314 p.
7. Todorov Tz. Grammaire du «Décameron». Paris: Mouton, 1969. 100 p.
8. Тюна В. И. Логос наррации: к проекту исторической нарратологии // Narratorium. 2015. № 1 (8). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (дата обращения: 20.06.2018).
9. Lejeune Ph. Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris: Éditions du Mauconduit, 2015. 125 p.
10. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4 / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. С. 645–680.
11. Bach K. An analysis of self-deception // Philosophy & Phenomenological Research. 1981. Vol. 41 (3). P. 351–370.
12. Rorty A. O. Self-deception, akrasia and irrationality // Social science information. 1980. Vol. 16, No 6. P. 905–922.
13. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ М.: Канон+, 2010. 336 с.
14. Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова: роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Художественная литература, 1976. 158 с.
15. Креч Д., Кратчфилд Р., Ливсон Н. Фрустрация, конфликт, защита / пер. с англ. А. В. Александровой // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 69–82.
16. Gudjonsson G. H. Self-deception and other-deception in forensic assessment // Personality and Individual Differences. 1990. Vol. II, no. 3. P. 219–225.
17. Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетея, 1999. 281 с.
18. Стольников О. В. Основные направления психологических исследований самообмана // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 145–153.
19. Шмид В. Перспективы и границы когнитивной нарратологии (По поводу работ Алана Пальмера о «fictional mind» и «social mind») // Narratorium. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109> (дата обращения: 20.06.2018).
20. Fisher W. R. The Narrative Paradigm: An elaboration // Communication Monographs. 1985. Vol. 52, no. 4. P. 347–367.

Статья поступила в редакцию 22 августа 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Пружинин Борис Исаевич — д-р филос. наук, проф.; prubor@mail.ru
Щедрина Ирина Олеговна — аспирант; semargel@mail.ru

Historization of philosophical and methodological consciousness of science and narratology*

B. I. Pruzhinin¹, I. O. Shchedrina²

¹ Journal "Voprosy filosofii", Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

² State Academic University for Humanities, 26, Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russian Federation

For citation: Pruzhinin B. I., Shchedrina I. O. Historization of philosophical and methodological consciousness of science and narratology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 83–91. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.107> (In Russian)

The historization of the methodological consciousness of a scientist (both in the field of natural science and in the field of humanitarian research) is becoming the most important factor of concrete scientific work. At the same time, the scientist's awareness of the historical dimension of cognition and, accordingly, the historization of methodological reflection contains the possibility of philosophical and methodological conclusions capable of deforming science. In particular, references to history often serve as the basis for radical methodological relativism. The authors believe that the epistemological problematics arising in this context appeal to the topic of the historical self-awareness of the researcher, to the phenomenon of his self-awareness as a historical person and brings the cognitive aspects of such awareness into the focus. Besides that, in the field of philosophical and methodological research fell scientist's reflections, expressed in some narrative about the history of the formation of his self-consciousness and motivation. The article demonstrates the epistemological perspective of the analysis of such reflections (scientist's autobiographical narrative). In this article, the authors, appealing to the texts of historians, seek to show how through the prism of a narrative one can reveal the peculiarities of historicism in the reflection and self-consciousness of scientists and, in particular, analytically assess the cognitive risks generated by one or another direction of their self-consciousness. First of all, it is an assessment of the cognitive characteristics of self-deception. The article substantiates the idea that the interpretation of philosophical and methodological reflection as a narrative opens up the possibility for the effective application of cultural-historical epistemology in scientific research.

Keywords: historicism, narrative, historian, reflection, self-consciousness, cultural-historical epistemology.

References

1. Weber, M. (1990), "Nauka kak prizvanie i professiia" [Wissenschaft als Beruf], in Weber, M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], transl. from German by A. F. Filippov, P. P. Gaidenko, Progress Publ., Moscow, Russia, pp. 707–735.
2. Vernadskii, V. I. (1993), "Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniia" [Thoughts of the Modern Meaning the History of Knowledge], in Vernadskii, V. I. *Zhizneopisanie. Izbrannye trudy. Vospominaniia sovremnikov. Suzhdeniia potomkov* [Biography. Selected Works. Memories of contemporaries]. Sovremennik Publ., Moscow, Russia, pp. 538–555.
3. Bloch, M. (1986), *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika* [Apologie pour l'histoire ou Metier d'historien], transl. from French by E. M. Lysenko, 2nd ed., Nauka, Moscow, Russia.
4. Fludernick, M. (2005), "Histories of Narrative Theory (I): From Structuralism to the Present", in Phelan, J. and Rabinowitz, P. (eds), *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell, Oxford, UK, pp. 36–59.
5. Schmid, W. (2003), *Narratologiia* [Narratology], Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., Moscow, Russia.

* The research has been performed within the grant of Russian Foundation for Basic Research No. 18-011-01252 "A Historical memory and historical understanding: epistemological risks of appeal to narrative".

6. Brockmeier, J. and Carbaugh, D. (eds) (2001), *Narrative and Identity. Studies in Autobiography, Self and Culture*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, The Netherlands.
7. Todorov, Tz. (1969), *Grammaire du "Décaméron"*, Mouton, Paris, France.
8. Tyupa, V.I. (2015), Logos narratsii: k proektu istoricheskoi narratologii [Narration logos: to the project of historical narratology], *Narratorium*, no. 1 (8), available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (Accessed 20 June 2018).
9. Lejeune, Ph. (2015), *Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique*, Éditions du Mauconduit, Paris, France.
10. Aristotle (1984), Poetika [Poetics], transl. from Greek by M.L. Gasparov, in Aristotle *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vols., vol. 4, Mysl', Moscow, Russia, pp. 645–680.
11. Bach, K. (1981), "An analysis of self-deception", *Philosophy & Phenomenological Research*, vol. 41 (3), pp. 351–370.
12. Rorty, A. O. (1980), "Self-deception, akrasia and irrationality", *Social science information*, vol. 16, no. 6, pp. 905–922.
13. Dubrovskii, D.I. (2010), *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception. Philosophical and methodological analysis], Kanon+ Publ., Moscow, Russia.
14. Kariakin, Iu. F. (1976), Samoobman Raskol'nikova: roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Raskol'nikov's self-deception. Dostoevsky's novel "Crime and punishment"], Khudozhestvennaia literatura Publ., Moscow, Russia.
15. Krech, D., Crutchfield, R. and Livson, N. (1991), "Frustratsiia, konflikt, zashchita" [Elements of psychology], transl. from Eng. by A. V. Aleksandrova, *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 69–82.
16. Gudjonsson, G. H. (1990), "Self-deception and other-deception in forensic assessment", *Personality and Individual Differences*, vol. II, no. 3, pp. 219–225.
17. Znakov, V. V. (1999), *Psikhologiya ponimaniia pravdy* [Psychology of understanding the truth] Aleteiia Publ., St. Petersburg, Russia.
18. Stol'nikova, O. V. (2009), "Osnovnye napravleniia psikhologicheskikh issledovaniia samoobmana" [The main directions of psychological research self-deception], *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 145–153.
19. Schmid, W. (2014), "Perspektivy i granitsy kognitivnoi narratologii (Po povodu rabot Alana Pal'mera o "fictional mind" i "social mind")" [Prospects and Limits of Cognitive Narratology (Regarding the works of Alan Palmer on *fictional mind* and *social mind*)], *Narratorium*, no. 1 (7), available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109> (Accessed 20 June 2018).
20. Fisher, W. R. (1985), "The Narrative Paradigm: an Elaboration", *Communication Monographs*, vol. 52, no. 4, pp. 347–367.

Received: August 22, 2018

Accepted: October 3, 2018

Author's information

Boris I. Pruzhinin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; prubor@mail.ru

Irina O. Shchedrina — Postgraduate student; semargel@mail.ru